

Губернское финансирование в период первой областной реформы. Архангелогородский вариант*

Дмитрий Редин

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Provincial Financing During the First Regional Reform. The Arkhangelsk Version**

Dmitry Redin

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Provincial institutions created by Peter I in 1710 were designed to ensure fiscal mobilisation, large-scale and maximum possible collection of material resources for the needs of warfare and the simultaneous reform of the armed forces. The first Russian governors had extensive administrative powers but, at the same time, they were under the strict financial control of the highest governing bodies: the Senate, its divisions, and the monarch himself. The governors were deprived of legal opportunities to spend at least some of the money collected through the provincial cash desks to ensure the functioning of their apparatus. It was not only about paying salaries to the ranks of provincial administrations, maintaining administrative buildings in working order, and purchasing consumables for office work. There was no money for more substantial expenditures: payment for the travel of numerous commissioners from the centre to the provinces, for the travel of their officials within the provinces, for the fees for the accommodation of these agents, for the expenses of their maintenance, for the payment of various kinds of state works, for the transportation of recruits and material supplies to the centre, i.e. everything that constituted the very essence of the functioning

* Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания Министерства науки и высшего образования РФ по теме «Взаимодействие культурно-языковых традиций: Урал в контексте динамики исторических процессов», № FEUZ-2023-0018.

** Citation: Redin, D. (2023). Provincial Financing During the First Regional Reform. The Arkhangelsk Version. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 1010–1026. DOI 10.15826/qr.2023.3.831.

Цитирование: Redin D. Provincial Financing During the First Regional Reform. The Arkhangelsk Version // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 1010–1026. DOI 10.15826/qr.2023.3.831 / Редин Д. Губернское финансирование в период первой областной реформы. Архангелогородский вариант // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 1010–1026. DOI 10.15826/qr.2023.3.831.

of local authorities. In this paradoxical situation, the main support could only be obtained from the zemstvo self-government bodies. The long-known practice of state bodies of local power being maintained by the population of the uyezd was replenished in the Petrine era with new elements. Lay fees covered the expenses of crown agents sent from the centre to the region and helped pay for some government work within the province. However, the peculiarities of the legislation of the era put the governors and their employees, who shifted the financial burden on the zemstvo, into a risky position. They could be accused of bribery and “unspecified fees” that undermined the solvency of the taxed population. Never previously published documents on Arkhangelsk province discovered by the author of the article reveal the complete picture of the financial support of the township communities of the Dvina uyezd for the activities of the provincial administration in 1711–1713 and the complex vicissitudes of relations between the central and local crown authorities and secular organisations. The documents were archived during the investigation of the case of the Arkhangelsk vice-governor A. A. Kurbatov and reflect one of the investigative episodes of 1716.

Keywords: Russia in the epoch of Peter the Great, province, burgomaster, lay self-government bodies, finances, expenditures, “the Archangelsk case”, A. A. Kurbatov, G. I. Koshelev, M. I. Volkonsky

Губернские учреждения, созданные Петром I в 1710 г., были предназначены для обеспечения фискальной мобилизации, масштабного и максимально возможного сбора материальных средств для нужд ведения войны и одновременного реформирования вооруженных сил. Первые российские губернаторы обладали очень широкими административными полномочиями, но при этом оказались под жестким финансовым контролем высших органов управления – Сената, его подразделений и самого монарха. Губернаторы были лишены легальных возможностей тратить хоть какую-то часть проходивших через губернские кассы собранных денег для обеспечения функционирования собственного аппарата. Речь шла не только о выплате жалованья чинам губернских администраций, поддержании в рабочем состоянии административных зданий и закупке расходных материалов для канцелярской работы. Денег не было на более существенные траты: оплату проезда многочисленных уполномоченных из центра в губернии, поездки собственных чиновников внутри губернии, плату за постой этих агентов, расходы на их содержание, на различного рода казенные работы, транспортировку рекрутов и материальных запасов в центр, то есть на все то, что составляло саму суть функционирования местных органов власти. В этой парадоксальной ситуации главную поддержку можно было получить только от земских органов самоуправления. Давно известная практика содержания государственных органов местной власти населением уезда пополнилась в Петровскую эпоху новыми элементами. За счет мирских сборов, например, оплачивались расходы коронных агентов, командированных из центра в область, некоторые казенные работы внутри губернии. Но особенности законодательства эпохи ставили губернаторов и их сотрудников, перекладывавших финансовое бремя на земство, в рискованное положение.

ние. Их могли обвинить во взяточничестве и «неуказных сборах», подрывавших платежеспособность тяглого населения. Впервые обнаруженные автором статьи документы по Архангелогородской губернии раскрывают полную картину финансовой поддержки посадских общин Двинского уезда деятельности губернской администрации в 1711–1713 гг. и сложные перипетии отношений между центральной и местной коронной властью и мирскими организациями. Документы отложились в ходе расследования дела архангелогородского вице-губернатора А. А. Курбатова и отражают один из следственных эпизодов 1716 г.

Ключевые слова: Россия в эпоху Петра I, губерния, бурмистры, мирские органы самоуправления, финансы, расходы, «архангелогородское дело», А. А. Курбатов, Г. И. Кошелев, М. И. Волконский

I

Корректировка системы государственного управления в России, реально начавшая работать с 1710 г. и просуществовавшая до рубежа 1710–1720-х гг., – создание губерний (то, что в историографии именуется первой областной, или губернской реформы), учреждение Правительствующего сената и его структурных и подчиненных учреждений – по сути, имела одну стратегическую цель: наполнение государственного бюджета с целью покрытия военных расходов. Ключевую роль в обеспечении сбора денежных и натуральных окладных и неокладных доходов должны были сыграть губернские администрации при контролирующей роли Сената, прежде всего его канцелярии и сенатских учреждений вроде Кригс-комиссариата.

Получив широчайшие административные полномочия, новоиспеченные губернаторы оказались при этом в весьма непростом положении. Их главной задачей стала фискальная деятельность. Весь корпус известных на сегодняшний день делопроизводственных документов свидетельствует, что именно бесперебойный сбор налогов и податей и постоянная отчетность по сопровождению денежных сумм и материальных припасов в полевые полки и в четыре «указных», или «определенных места» (четыре силовые ведомства: Военная, Адмиралтейская, Артиллерийская и Посольская канцелярии) являлись объектом самого пристального надзора и контроля со стороны центра. Уже в 1710 г. руководители губерний получили так называемые табели – плановые фискальные задания, в феврале 1711 г. количество денег, необходимых собрать с тяглого населения каждой губернии, было уточнено, и в том же году серией именных и сенатских указов марта – октября началась кампания по ревизии губернских расходов, взыскания недоимок, проверок первичной финансовой отчетности и т.п., превратившаяся в перманентный процесс, продлившийся до реорганизации всей системы управления в начале 1720-х гг. Губернаторы и старшие губернские чиновники оказались под жестким прессом центральных органов, безжалостно штрафовавших их

за хронические недоимки и запущенную отчетность. История с финансовыми трудностями, выпавшими на долю губернаторов и их администраций, слишком сложна, чтобы уделить ей внимание в рамках одной статьи. Если говорить коротко, то первые петровские губернии оказались непригодны для оптимального решения поставленных перед ними фискальных задач. Причины тому были разнообразны, их обзор и анализ представлен в одном из новейших изданий, посвященных петровским административным реформам [«Ментальное государство» Петра Великого и регионы]. В данной статье я остановлюсь на одной из них, плохо изложенной и осмысленной в историографии, но имевшей принципиальный характер для функционирования губернских администраций изучаемого периода.

Поставив перед губернскими администрациями задачу обеспечения военных расходов, Петр I «забыл», а скорее просто не озаботился вопросом о том, за счет каких средств будет функционировать сам фискальный губернский механизм. Иначе говоря, дав губернаторам обширные административные полномочия, монарх лишил их самостоятельности в финансовой сфере. У губернских властей, через которые проходили огромные денежные и натуральные ресурсы, не оказалось легальных инструментов использования части этих средств на обеспечение собственной деятельности. Нельзя сказать, что Петр вообще не понимал необходимости финансирования местных администраций. Рассчитывая первые губернские бюджеты в январе – феврале 1710 г., он имел в виду потребность местных нужд, но подошел к решению этого вопроса весьма своеобразно. Логику действий государя в этом процессе хорошо охарактеризовал П. Н. Милюков. Сведение потенциальных доходов с расходами в 1710 г. обнаружило дефицит в 500 тыс. руб. Чтобы решить проблему, Петр и его советники прибегли к нехитрому трюку: «сперва вычиталась из общего дохода цифра, необходимая для 4-х главных приказов (тех самых “указных мест”. – Д. Р.), а остаток уже оставлялся на местные расходы, на которые, таким образом, и должен был переместиться дефицит» [Милюков, с. 283].

При таком подходе губерниям не доставалось ничего. Из восьми первых петровских губерний только в двух доходы превышали наложенные на них расходы – в Московской и Казанской. Это прекрасно показали расчеты 1711 г., когда Ближняя канцелярия произвела калькуляцию сумм, необходимых на содержание полевых полков, расписанных по губерниям, и на нужды «определенных мест». Приход Казанской губернии оценивался в 447 794 руб., а Московской – в 954 749 руб. При этом на обе губернии легли не только военные расходы. Они стали донорами для остальных шести губерний, доходы которых не могли полностью покрыть расходы на содержание приписанных к ним полков и отчислений в пользу силовых ведомств. В результате бюджет Казанской губернии был сведен к нулю, а у Московской остался скромный конечный остаток в виде 17 927 руб. [ПСЗ-1, т. 4, № 2319, с. 624–625]. В связи с этим дореволюционные авторы совершенно справедли-

во говорили не о губернских бюджетах, а о губернских кассах, ибо все средства, собиравшиеся с губерний, лишь какое-то время хранились на местах, как в казначействах, перетекая в дальнейшем либо в распоряжение центральных органов, либо напрямую в полки полевой армии через губернских полковых комиссаров, также подотчетных центральному органу – Кригс-комиссариату.

Между тем, чтобы справляться с фискальными заданиями и выполнять массу других государственных поручений, местные власти должны были иметь какие-то финансовые ресурсы и право ими распоряжаться. Среди очевидных губернских расходов можно выделить несколько укрупненных групп. Во-первых, это содержание самого аппарата, руководящего и канцелярского штатов (выплата жалованья) и обеспечение их профессиональной деятельности (покупка мебели в присутственные места, поддержание в надлежащем состоянии административных помещений, приобретение дров, бумаги, свечей, чернил и перьев). Во-вторых, это оплата транспортных расходов – разъездов уполномоченных лиц с различными поручениями внутри и за пределами губерний. В-третьих, это компенсация расходов по проезду и проживанию разнообразных уполномоченных, присылаемых из центра. Наконец, это обеспечение деятельности не менее разнообразных комиссаров, приставленных в губернии «к делам» (например, по заготовке строевого и корабельного леса, строительству судов, заготовкам продуктовых припасов для армии, надзору за канальным строением, за возведением фортификационных объектов и мн. др.). И это не говоря о расходах на сопровождение рекрутов, государственной казны и прочих текущих обязанностях.

На все эти расходы у губернаторов не было легальных средств. До 1715 г. даже само жалованье чинам губернских администраций не было определено единым нормативом. Оклады (их размеры) самим губернаторам, судя по всему, устанавливал царь по своему усмотрению. Прямые сведения об этом имеются по отношению к казанскому губернатору П. М. Апраксину [РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Д. 63. Л. 114 об.], архангелогородскому вице-губернатору (а по факту губернатору) А. А. Курбатову [Письма и бумаги прибыльщика Алексея Курбатова, № 201, с. 420–423] ¹, сибирскому губернатору кн. М. П. Гагарину [РГАДА. Ф. 248. Кн. 154. Л. 806 об.], но нет оснований полагать, что они являли исключение и остальным губернаторам жалованье не назначалось монархом. Это жалованье могло быть как денежным, так и включать натуральную часть. Руководителям губерний денежная часть жалованья перечислялась центром из разных доходов. Единого учреждения, которое бы осуществляло выплаты губернаторам, не было; деньги поступали от тех канцелярий или приказов, где могли быть остаточные свободные суммы. В свою очередь, губернаторы на-

¹ Приношу искреннюю благодарность авторам-составителям книги, любезно разрешившим мне пользоваться опубликованными в ней материалами по оригинал-макету.

значали оклады своим подчиненным – как руководящему, так и канцелярскому штату. Откуда на это брались деньги? Жалованье гарнизонам (солдатским или служилым – там, где последние продолжали существовать) тоже обеспечивал центр, перечисляя денежные и натуральные средства из сумм, собранных в губерниях на содержание армии (как бы сейчас сказали, в виде субвенции). Но это не касалось приказных. Оклады жалованья, определяемые им по губернаторским распоряжениям, часто оказывались не подкрепленными материально². Канцеляристы могли годами не получать своих окладов, но это касалось и высших чинов губернского аппарата, и самих губернаторов. Последние получали свое жалованье крайне неаккуратно и с годовыми задержками, при этом полученное жалованье подвергалось различным изъятиям, обычно объясняемым нуждами военного времени (так называемые новоокладные сборы). Кроме того, сотрудников местных администраций, начиная с первых лиц, постоянно штрафовали за упущения по сбору налогов и несвоевременно представленную отчетность³. При этом штрафы взыскивались реально, в отличие от выплат жалованья [Редин, 2007, с. 497–499].

Тем не менее, для этой проблемы имелось решение, уходящее своими корнями в средневековую практику, – кормление, или «честные приносы», иными словами, содержание администраций за счет средств, собираемых с населения вне системы сборов налогов и платежей. Система воеводского кормления хорошо изучена на материалах XVII в. Наиболее подробно и масштабно она рассмотрена в монографии Г. П. Енина [Енин]. Для XVIII в. этот вид материального обеспечения местных администраций оставался также актуальным, тем более для первой четверти века, но документальных материалов по этому периоду выявлено несравненно меньше, чем по предшествующему столетию. Другие статьи расходов губернской администрации тоже так или иначе выпадали на долю земских (крестьянских и посадских) общин. Структуру этих расходов (как и источники мирских доходов) еще в начале прошлого века описал А. А. Кизеветтер [Кизеветтер], но подробности взаимоотношений власти и мирских органов самоуправления для Петровской эпохи историк раскрыл лишь в общих чертах. Тем любопытнее представляется воз-

² Похоже, губернаторы изыскивали возможность время от времени оставлять какие-то суммы на оплату приказных из тех или иных сборов, постоянно рискуя при этом быть обвиненными в допущении «неуказных», или «ненужных расходов».

³ Надо заметить, что еще именным указом от 26 февраля 1714 г. выдача жалованья всем местным гражданским чиновникам от губернатора до подьячего могла осуществляться только после того, как с губернии будут высланы все табельные платежи и погашены недоимки. Разрешение на выдачу жалованья должен был давать Сенат. Но, как выяснилось в 1717 г. (на основе доноса обер-фискала А. Я. Нестерова от 3 апреля того же года), местные власти пренебрегали этим указом, что повлекло новую ревизию губернских расходов и попытки возвращения полученных окладных денег с чинов местной администрации за период с 1714 по 1717 г. Эту миссию возложили на губернских ландрихтеров [РГАДА. Ф. 248. Кн. 154. Л. 793–794].

возможность проникнуть в детали губернского финансирования, которую предоставили следственные документы по так называемому «архангелогородскому делу».

II

«Архангелогородское дело» относится к серии резонансных уголовных дел петровского царствования вроде «подрядной аферы» кн. А. Д. Меншикова, Я. Н. Римского-Корсакова, сенаторов В. А. Апухтина и кн. Г. И. Волконского, дела первого сибирского губернатора кн. М. П. Гагарина, «почепского дела», также связанного с именем светлейшего князя Меншикова, и других, имевших ярко выраженную экономическую составляющую. Вкратце его история такова. В феврале 1713 г. архангелогородский вице-губернатор А. А. Курбатов известил Петра I о крупномасштабных хищениях и торговых аферах братьев Соловьевых – Дмитрия Алексеевича, занимавшего пост обер-комиссара и ведавшего казенной экспортной торговлей через Архангелогородский порт, и Осипа Алексеевича, царского комиссара в Амстердаме, в задачи которого входила реализация российского импорта в Европе. В ответ на сигналы Курбатова царь создал специальную следственную комиссию во главе с л.-гв. майором кн. М. И. Волконским, ставшую, между прочим, первым в России специализированным вневедомственным органом досудебного следствия. Однако по ряду причин, среди которых немалую роль сыграло покровительство Меншикова криминальным братьям, Волконский развернул следствие против самого Курбатова и чиновников его администрации. Это привело к отставке архангелогородского вице-губернатора и обвинению его в крупных хищениях. Между тем и в следственных действиях кн. Волконского были выявлены злоупотребления и отклонения от предписанного ему направления расследования. В конце 1714 г. князь был отстранен от следствия, а дело, получившее наименование «о споре Курбатова с Соловьевым», перешло в 1716 г. в руки розыскной канцелярии л.-гв. капитана и армейского полковника Г. И. Кошелева и дьяка его канцелярии Ф. Д. Воронова. Одновременно в круг их компетенции попало и расследование действий предшественника кн. М. И. Волконского [подробно см.: Серов, с. 172–214; Серов, Федоров, с. 58–71, 115–125, 195–209].

Следственные дела – богатый материал для историков. Сложные по своему составу, они содержат информацию не только по собственно следственному процессу – его организации, составу следователей, документированию процессуальной деятельности и т.п., но и по людям и эпохе в целом. Свидетельские показания, показания подследственных, вспомогательные справочные материалы – все это раскрывает мир повседневности изучаемой эпохи с самых разных и порой неожиданных сторон.

Так произошло и в нашем случае, когда мне удалось обнаружить часть следственного делопроизводства канцелярии Г. И. Кошелева

в фонде Канцелярии конфискации РГАДА. Дело, в котором оказались сосредоточены документы кошелевской канцелярии, наряду с некоторыми другими долгое время числилось как ветхое (пораженное грибом) и не выдавалось исследователям. Но в начале 2020-х гг. его отреставрировали. По счастливой случайности я стал его первым читателем.

Документы, сосредоточенные в деле и относящиеся к осени 1716 г., отражают эпизод, связанный не столько с делом Курбатова – Соловьева, сколько с выяснением обстоятельств следственной деятельности розыскной канцелярии кн. М. И. Волконского («А особливо исследовать между Курбатова и Волконского в их ссорах...» [РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Л. 2]). Г. И. Кошелеву надо было принять у предшественника накопившийся материал, а заодно выяснить, насколько правомочно и процессуально корректно действовал Волконский. Внимание Кошелева на этом этапе сосредоточилось на инциденте с допросом кн. Волконским двух архангелогородских посадских бурмистров – Ивана Ушакова и Семена Дудина, занимавших эти выборные должности в 1711 и 1713 гг. соответственно. Майора прежде всего интересовали траты посадских общин на «честные приносы» в пользу А. А. Курбатова, которые он намеревался квалифицировать в качестве взяток. Оба бурмистра дважды вызывались для дачи показаний в Санкт-Петербург в 1715 и 1716 гг. [Там же. Л. 2 об. –3], первый раз кн. Волконским (хотя формально он уже находился в стадии передачи дел канцелярии Кошелева), а второй раз – в розыскную канцелярию л.-гв. подполковника кн. В. В. Долгорукова⁴. Мирские выборы всякий раз вынуждены были пребывать в столице по несколько месяцев, что являлось для них весьма затратным делом: «А для чего они ныне взяты и в прошлом году были привезены, о том они неизвестны. И, живучи в Санкт-Питербурхе многое время, испрожились, а впредь им пить и есть нечего», – писали Ушаков и Дудин полковнику Кошелеву, прося отпустить их домой [Там же. Л. 3]. Конечно, процитированная фраза представляет собой клишированную формулу.

⁴ Появление в архангелогородском деле розыскной канцелярии кн. В. В. Долгорукова – любопытный момент. Специально занимавшийся изучением судьбы А. А. Курбатова и хода следствия над ним Д. О. Серов писал, что после отстранения от следствия кн. М. И. Волконского спустя год с небольшим дело было передано канцелярии Г. И. Кошелева [Серов, с. 189; Серов, Федоров, с. 119]. Обнаруженные мной документы, тем не менее, косвенно, но очевидно свидетельствуют о том, что архангелогородское дело находилось с 1714 по 1716 г. в ведении канцелярии кн. В. В. Долгорукова: «По выписке, учиненной в канцелярии князя Долгорукого о принятии из гварнизона во оную (в канцелярию Г. И. Кошелева. – Д. Р.) дел Курбатова с Соловьевым для розыска в их ссорах», – так начинается архивное дело, заключающее в себе этот следственный эпизод. Канцелярия кн. В. В. Долгорукова занималась расследованием подрядной аферы и счетного дела кн. А. Д. Меншикова. Надо сказать, что Г. И. Кошелев и дьяк Ф. Д. Воронов являлись сотрудниками канцелярии Долгорукова. Вероятно, после отстранения от архангелогородского дела кн. М. И. Волконского дальнейшее ведение следствия Петр возложил на Долгорукова, а в 1716 г. в связи с тем, что Долгоруков был включен в свиту царя, отправившегося в европейское турне, все долгоруковские дела передали полковнику Кошелеву, получившему статус главы отдельной следственной канцелярии своего имени.

Не отрицая того, что проживание в столице действительно было крайне расходным, замечу, что бурмистры не могли не понимать, для чего они «взяты». Одной из причин их вызова стало составление сводной ведомости, или табели, как ее называли следователи, в которой были показаны посадские расходы за 1711–1713 гг. Материал группировался по рубрикам расходов (на какие конкретно нужды были израсходованы мирские деньги), погодно (за 1711, 1712 и 1713 гг.) и общим итогом по каждой рубрике и в целом за три года.

Естественно, такие сведения бурмистры не могли воспроизвести по памяти. Несомненно, в свою первую поездку в Санкт-Петербург в 1715 г. к майору кн. Волконскому они должны были привезти с собой земские расходные книги, на основании которых и была составлена табель. Разумеется, что составление такого сводного документа требовало определенного времени и не было быстрым⁵. Но по какой-то причине табель оказалась составлена с рядом описок и отступлений от предписанных процедур. В некоторых рубриках итоговая сумма за три года была просчитана неверно, но это можно отнести на счет откровенных описок, связанных с усталостью или невнимательностью переписчика (записи цифр велись на кириллице, и некоторые описки носят единообразный характер). В общем итоге не записан валовый расход за 1713 г. и, соответственно, нет общего валового показателя расходов за три года, что, впрочем, легко восстанавливается собственными подсчетами, что и сделали в канцелярии Кошелева. Уточняющие подсчеты, проведенные сотрудниками Кошелева, выявили, что в табели показано лишних расходов на 843 руб. с небольшим, что опять-таки не выглядит чрезмерным на фоне общего уточненного расхода в 10454 руб. [РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Л. 15].

В большей степени Г. И. Кошелева насторожили процессуальные упущения. Во-первых, на табели отсутствовала дьяческая справка, которая должна была удостоверять соответствие данных табели сведениям первичной финансовой документации – земских расходных книг. Табель была заверена только скрепой самого кн. Волконского, который явно не проводил собственно «щёт», то есть сверку данных. Во-вторых, расходы за 1712 г. не были подтверждены устными показаниями того бурмистра, который в этом году находился при должности – его вообще не вызывали для дачи показаний [Там же. Л. 9 об.]. Как бы то ни было, эти сюжеты достойны отдельной статьи, тем более, что дело продолжается ответами кн. Волконского на эти и другие вопросы, предъявленные ему канцелярией Кошелева. Нас же в контексте сформулированной в заглавии статьи проблемы интересуют содержание самой табели (какими бы недостатками она ни страдала) и сопровождающие ее документы – дополнительные комментарии и показания архангелогородских бурмистров И. Ушакова и С. Дудина.

⁵ Вызов названных бурмистров в 1716 г. в канцелярию кн. В. В. Долгорукова, очевидно, был связан уже не с делом Курбатова – Соловьева, а с проверкой деятельности кн. М. И. Волконского.

III

Самыми примечательными в таблице можно считать рубрики расходов. Они весьма подробно указывают, на что именно шли мирские деньги. Статьи расходов сгруппированы в документе в укрупненные группы, которые следует перечислить. Итак, мирские расходы Архангелогородского посада предназначались на покрытие нужд по следующим направлениям.

Распределение мирских расходов Архангелогородского посада

Рубрика расходов	Общая сумма расхода за три года
Содержание вице-губернатора А. А. Курбатова, его сына, певчих, денщиков и дворовых людей	1 100 руб. 2 алтына 5,5 денег
Содержание комиссаров, дьяков и подьячих походной (личной) канцелярии вице-губернатора	900 руб. 17 алтынов 4 деньги
Содержание трех губернских ландрихтеров	127 руб. 21 алтын 5 денег
Содержание четырех дьяков и писаря губернской канцелярии	769 руб. 24 алтына 3 деньги
Содержание прочих чинов губернской канцелярии (харчевых припасов для трех комиссаров, провиантмейстера, подьячим без указания числа, оплата их и неких «приезжих людей» прожизания по наемным дворам, привоз льда в погреба вице-губернатора, дьяков и подьячих губернской канцелярии, оплата работников, работавших на их дворах и заодно на дворе «светлейшего князя», то есть А. Д. Меншикова, и «на карбасах», покупка свечей для личных нужд приказных работников губернской канцелярии)	972 руб. 23 алтына 4,5 деньги
Содержание губернского провинциал-фискала, двух фискалов, оплата их прожизания на наемных дворах, проездных расходов «для посылок фискалских дел», проездных расходов сторожей, урядников, солдат и пушкарей губернской канцелярии для «посылок в уезд», дорожных расходов офицеру, присланному «за ефимочною казною», и его людям и т.п.	422 руб. 19 алтын 3 деньги
Содержание архангелогородских архиереев ⁶ , холмогорского протопопа с братией, архимандрита Соловецкого монастыря с братией, старших офицеров архангелогородского гарнизона и князя Василия Голицына с сыном ⁷	422 руб. 27 алтын 1 деньга

⁶ Архиепископу Рафаилу, скончавшемуся в 1712 г., и сменившему его архиепископу Варнаве, заступившему на кафедру в 1713 г.

⁷ Возможно, речь идет о ссыльном князе Василии Васильевиче Голицыне (ум. в 1714 г.), отбывавшем ссылку в Кевроле на Пинеге. Кеврольский уезд граничил с Двинским, одним из наиболее населенных и богатых уездов губернии, а архангелогородские бурмистры действовали не только от имени посада, но и от лица всех посадов Двинского уезда, как можно понять из текста всеуездного земского приговора, о котором речь пойдет ниже. Возможно, выдача харчевых припасов знатным ссыльным в 1711 и 1712 гг. на общую сумму в 77 руб. 18 алтын 5 денег была жестом христианского милосердия, частью общего с кеврольцами кормления князя или замещением казенного содержания кеврольских узников.

Рубрика расходов	Общая сумма расхода за три года
Содержание лиц и оплата покупок, на непосвященный взгляд, не имеющих какой-то тематической связи (харчевые припасы капитану и двум поручикам, что можно считать кормлением младших офицеров гарнизона; оплата проезда доктора-иностранца до Вологды; харчевые припасы блочному мастеру, кондуктору, навигаторам и почему-то компанейщику, то есть частному предпринимателю, и оплата покупки сундуков и ящиков для губернской канцелярии)	27 руб. 15 алтын 1 деньга
Расходы на кречетный промысел ⁸	1188 руб. 19 алтын 2 деньга
Содержание всякого рода командированных из центра государственных уполномоченных, их сопровождающих и поверенных высокопоставленных сановников (Б. П. Шереметева, кн. А. Д. Меншикова, кн. П. А. Голицына)	305 руб. 20 алтын 1 деньга
Расходы на собственно земские нужды (содержание мирских помещений, оплата сотрудников земского самоуправления, ремонтные работы, приобретение канцелярских материалов и т.п.), среди которых самая экзотическая – содержание белого медведя	Около 4300 руб. (округленно, поскольку общий итог в таблице не подведен)

Сост. по: [РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Л. 3 об. – 9 об.].

В приведенной таблице статьи расходов, на мой взгляд, имеют больший интерес, чем сами суммы затраченных денег. Номенклатура расходов явно показывает, что губернский аппарат просто не мог бы функционировать без постоянной и довольно мощной финансовой подпитки со стороны посадов Двинского уезда. Конечно, посадские миры не покрывали всех расходов полностью. Например, не выглядят чрезмерными «честные приносы», или кормление вице-губернатора с сыном с их разнообразной челядью. 1 100 рублей за три года (по годам: за 1711 г. – 804 руб. 21 алтын 2,5 деньга, за 1712 г. – 86 руб. 18 алтын 2,5 деньга, за 1713 г. – 222 руб. 6 алтын 4 деньга) недотягивают до поденного кормления и напоминают въездной корм с праздничными кормами в 1711 г. (а именно в этот год А. А. Курбатов стал руководить губернией, и только в этом году вместе с ним получили подношения его сын и певчие, в последующие годы им «приносов» не было) и праздничные корма в последующие годы. Более скромная сумма кормов Курбатову в 1712 г. может быть обусловлена тем, что он наконец получил положенное ему жалованье за 1711 и 1712 гг. (по 700 руб. в год) [Письма и бумаги прибыльщика Алексея Курбатова, № 201, с. 420–423]. Иными словами, эта табель показывает, что А. А. Курбатов кормами не злоупотреблял и уж точно их не вымогал. А ведь именно эти «приносы»

⁸ Ловля, содержание и транспортировка в Москву кречетов для государевой соколиной охоты, давняя мирская повинность поморских городов, сохранялась, как видно из таблицы, и в петровское царствование и стоила немалых расходов.

пытался квалифицировать как взятку первый следователь архангелогородского дела кн. М. И. Волконский.

Примечательнее то, что на содержании посадских общин оказался не только вице-губернатор, но весь административный аппарат губернии: губернская канцелярия, старшие губернские чины в лице трех ландрихтеров, губернские комиссары, местный фискалитет и даже офицерская верхушка местного гарнизона, не говоря уже о высшем духовенстве края – архиереях и настоятелях крупнейших монастырей с братией. Судя по табели, посад оказывал существенную финансовую поддержку по покрытию расходов, связанных с поездками и службами губернских уполномоченных в рамках губернии. Не вызывает удивления разве что компенсация таких же расходов, направленная на содержание различных агентов власти, присылаемых в губернию. Как доказал А. А. Кизеветтер, они, как и расходы, связанные с отправлением различных натуральных повинностей, в первую очередь на наем подвод, сопровождение рекрутов и рекрутские «подмоги», традиционно лежали на посадских общинах [Кизеветтер, с. 537]. Специфическим и весьма затратным расходом, судя по табели, оказывался кречетный промысел, суммарно превосходящий за указанные годы вице-губернаторский «корм».

Весьма важным представляется вопрос, насколько легитимными являлись все эти мирские расходы, на какой правовой основе они производились? В дореволюционной литературе на этот вопрос отчасти ответили. «Посадский мир был свободен в распоряжении собираемыми суммами», – писал на этот счет А. А. Кизеветтер относительно ситуации XVIII в.; сборы средств по мирской раскладке и их траты санкционировались мирскими сходами [Кизеветтер, с. 521, 569]. Относительно XVII в. ситуация с легитимацией общинных сборов и расходов складывалась схожим образом. М. М. Богословский, монографически исследовавший организацию общин Русского Севера, отметил, что высшим актом мирского самоуправления, придававшим законность всем решениям выборных лиц, являлись письменные приговоры уездного земского съезда с рукоприложениями всех посыльщиков, то есть уполномоченных делегатов посадских, сельских и волостных общин [Богословский, с. 229]⁹. Подобного рода акты безусловно признавались государственной властью, несмотря на то, что решения уездных земских съездов базировались на нормах обычного права, среди которых одной из важнейших являлась ссылка на «старину», исконность как самого механизма принятия решений, так и обоснованность конкретных сборов и расходов. И наши архангелогородские бурмистры отчетливо осознавали свое право, особо подчеркнув, что «оним живут из мирских сборов повсягодно, а не из ынтересов царского величества» [РГАДА. Ф. 340. Оп. 1.

⁹ Стоит напомнить, что, в отличие от центральных районов России, «на Севере город и уезд, однородные по составу населения, представляли из себя единое целое в юридическом, административном и хозяйственном отношениях» [Богословский, с. 126].

Д. 70. Л. 15 об.] (то есть тратят собственные деньги, собранные сверх казенных податей). В Петровскую эпоху такое признание правомочности земских съездов в целом тоже не оспаривалось, но появление некоторых новых законодательных актов вносило неопределенность в отношения между агентами коронной власти и земскими мирами, особенно в такой чувствительной сфере, как финансы.

Дело в том, что в условиях военного времени и острого дефицита средств центральная власть, в первую очередь сам монарх, начали предпринимать меры, направленные на пресечение любых расходов, не связанных с финансированием военных нужд. Эти меры проявились в том числе в создании законодательства, призванного обеспечить блокирование так называемых «неуказных сборов» и связанных с ними «необычных», или «ненужных расходов». Пожалуй, первым указом такого рода стал сенатский от 13 апреля 1711 г., положивший начало бесконечной череде ревизий губернских расходов [ПСЗ-1, т. 4, № 2362].

Новый и более жесткий этап борьбы с утечкой казенных средств пришелся на период с 1713 г., когда Петр с помощью созданной им фискальской службы понял, что потери в налоговой сфере происходят благодаря различным должностным преступлениям финансового характера, в частности, через хищение государственных средств посредством коррупционных схем при заключении подрядов (государственных закупок), взяточничестве при отсрочке или освобождении от уплаты налогов и недоимок, вымогательстве взяток с населения, приводившем к подрыву его платежеспособности. Указы первой половины 1710-х гг. выработали понятие «повреждение государственных интересов», то есть действий, наносящих ущерб казне. Самый ранний из них, очень лаконичный (от 24 апреля 1713 г.), устанавливал санкцию в виде смертной казни и конфискации движимых и недвижимых имуществ для уличенных «повредителей интересов государственных» и их пособников [Там же, т. 5, № 2673]. Следующий, от 25 августа того же года, запрещал государственным служащим заключать договоры на поставку товаров и услуг от своего имени и через подставных лиц, вымогательство взяток за отсрочку уплаты налогов и платежей и *взимание «кормов»* [Там же, № 2707]. Наконец, наиболее значимый из указов такого рода (от 24 декабря 1714 г.) запрещал «никаких посулов казенных и *с народа собираемых денег брать торгом, подрядом и прочими вымыслы»* [Там же, № 2871].

Отнесение «кормов» и вообще всяких «с народа собираемых денег» к должностным преступлениям, их криминализация шли вразрез с традицией «честных приносов» и воеводского кормления, ранее так или иначе государством допускавшейся. Это противоречие, возникшее между вполне *легитимной традицией* и *новыми нормами позитивного права*, ярко проявилось в рассматриваемом нами эпизоде «архангелогородского дела» и масштабнее поставило губернские администрации в еще более затруднительное положение. Если раньше губернаторы могли переносить бремя содержания своего аппарата

и его функционирования на плечи земских миров¹⁰, то теперь подобная практика могла обернуться для них серьезными проблемами. Любые мирские сборы, даже санкционированные приговорами всеуездного земства, могли быть истолкованы властью как «неуказные сборы», ведущие к повреждению государственного интереса. В этом отношении показательна судьба сибирского губернатора кн. М. П. Гагарина, завершившаяся несколькими годами позже описываемых событий в 1721 г. на виселице. Как и другие губернаторы, князь Матвей использовал мирские деньги на содержание губернского и уездного руководства, сам принимал «корм», но не только. Эпизоды не сохранившегося полностью следственного дела Гагарина (данные на 1715 г.) доказывают, что он, как и А. А. Курбатов, направлял средства, собранные с крестьян подгородных тобольских волостей, и на покрытие некоторых казенных потребностей, в частности, для провоза на мельницу казенного зерна, на выдачу жалованья и «харчевых припасов» служилым людям, командированным добывать соль на Ямыш-озере, на приобретение дров для отопления помещений губернской канцелярии. Причем, как показывали свидетели, все эти сборы происходили по гагаринским указам и шли в зачет общей уплаты податей с выдачей «зачетных росписей» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2640. Л. 82–84]. Надо полагать, что эти расходы тоже были санкционированы земскими приговорами (хотя мы не располагаем ими), но это не помешало следствию включить данный эпизод в состав обвинения М. П. Гагарина во взяточничестве.

В рассматриваемом следственном эпизоде «архангелогородского дела» посадские бурмистры сумели предъявить следствию приговоры уездного земского съезда. Копия одного из них, выданного бурмистру Семену Дудину «с товарищи» в 1713 г., представлена в деле полностью. Уполномоченные посыльщики всех общин Двинского уезда давали Дудину всю полноту власти в финансовых делах. Правомочность действий уездного мира и его бурмистра вынуждены были признать и следователи:

И те вышеписанные росходы держали по мирским приговорам и по прежнему издревле обыкновению. Да и после того в прошлых же 714-м и 715-м и в нынешнем 716-м годах такие почестные подносы и земские росходы по мирским приговором были ж и ныне есть. Также и за ямские подводы по вся годы, за которые прогонов не платят, а имянно, кто всяких чинов люди посылаютца по указом из Архангелогороцкой канцелярии и из земской избы за делами бес прогонов, зачитаны ж [РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Л. 13 об.].

¹⁰ Речь, конечно, идет именно о тех платежах, которые признавались обыденными, исконными самими тяглецами, а не о взятках, вымученных с них путем насилия и угроз. Последние квалифицировались населением как «напрасные налоги», «нападки», «обиды», а в языке официальном просто именовались взяткой [подробнее см.: Редин, 2019, с. 139–202].

В результате у следствия не возникло никаких претензий к бурмистрам в приносах денег и продуктов вице-губернатору. Но в обвинении против А. А. Курбатова эпизод о получении «почетных подносов» все-таки был квалифицирован как криминальный, хотя это заключение сформулировал не Г. И. Кошелев, а л.-гв. майор М. А. Матюшкин, в чьи руки в конечном итоге попало завершение расследования «архангелогородского дела». Вкупе с другими пунктами обвинения результаты расследования явно вели фигуранта по следам кн. Гагарина – к виселице, но, вероятно, к счастью, Алексей Александрович скончался летом 1721 г., не дождавшись приговора [Серов, с. 199–200].

* * *

Что нового дают нам проанализированные документы, всплывшие из недр многолетнего расследования «архангелогородского дела»? Прежде всего они не фрагментарно, а развернуто и целостно показывают, за счет чего могли функционировать ранние петровские губернии. Практически лишенные собственных бюджетов, но обремененные разнообразной деятельностью (прежде всего фискальной), губернские управленческие структуры были бы неспособны хоть сколько-нибудь удовлетворительно выполнять возложенные на них обязательства без всесторонней материальной поддержки местного самоуправления. Во-вторых, похоже, что земские миры в принципе не считали свое финансовое участие в обеспечении местных коронных администраций чем-то чрезвычайным, но относились к этому как к давней и закономерной традиции (разумеется, если речь не шла о насильственном вымогательстве средств со стороны коронных чиновников). Остается только поражаться хозяйственному потенциалу российского тягла, несшего тяжелейшее бремя налогов и повинностей, но при этом способного оказывать дополнительную существенную помощь местным администрациям. В-третьих, государственная власть, как и в XVII в. и ранее, продолжала считать решения мирских организаций в данной сфере, оформленные письменно, и закреплённые рукоприложениями приговоры легитимными. В-четвертых, государственная политика петровского царствования, нацеленная на предельную концентрацию материальных ресурсов в центре, развернув борьбу с непрофильными расходами и казнокрадством, создала патовую ситуацию в финансовых отношениях местных коронных органов власти и местным самоуправлением. Несовершенное и неустойчивое антикоррупционное законодательство, призванное пресечь разного рода «похищения государственного интереса», поставило губернаторов в крайне рискованную позицию: без традиционной материальной опоры на земство они не могли обеспечить функционирование своего аппарата, но при этом постоянно рисковали головой или, как минимум, собственными деньгами, поскольку в любой момент могли быть оказаны обвиненными во взятках и «неуказных сборах». При

этом примечательно, что новое законодательство действовало крайне избирательно, и не всем губернаторам, пользовавшимся одними и теми же методами, была уготована судьба А. А. Курбатова или кн. М. П. Гагарина.

Библиографические ссылки

Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере : в 2 т. М. : Изд. Имп. о-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1909. Т. 1. Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. 427 с.

Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти). СПб. : Изд-во РНБ, 2000. 352 с.

Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII ст. М. : Университет. тип., 1903. 810 с.

«Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII в.: материалы и исследования по истории местного управления в России / под ред. Д. А. Редина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. 668 с.

Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. 678 с.

Письма и бумаги прибыльщика Алексея Курбатова (1700–1720-е годы) / сост. и науч. ред. Д. О. Серов, А. О. Видничук, А. В. Жуковская, И. И. Федюкин. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2023. 551 с.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 4, 5.

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург : Волот, 2007. 608 с.

Редин Д. А. Этюды по русской истории Нового времени (административный и социальный аспекты). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. 284 с.

РГАДА. Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 5. Д. 2640; Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Кн. 154; Ф. 340 (Канцелярия конфискации). Оп. 1. Д. 63.

Серов Д. О. Администрация Петра I. М. : ОГИ, 2007. 288 с.

Серов Д. О., Федоров А. В. Дела и судьбы следователей Петра I. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2019. 432 с.

References

Bogoslovskii, M. M. (1909). *Zemskoe samoupravlenie na russkom Severe v 2 t.* [Zemstvo Self-Government in the Russian North. 2 Vols.]. Moscow, Izdanie Imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete. Vol. 1. Oblastnoe delenie Pomor'ya. Zemlevladenie i obshchestvennyi stroi. Organy samoupravleniya. 427 p.

Enin, G. P. (2000). *Voevodskoe kormlenie v Rossii v XVII veke (soderzhanie naseleniem uезда gosudarstvennogo organa vlasti)* [Voivodship Maintenance in Russia in the 17th Century (Maintenance of the State Authority by the Population of the Uyezd)]. St Petersburg, Izdatel'stvo Rossiiskoi natsional'noi biblioteki. 352 p.

Kizeveter, A. A. (1903). *Posadskaya obshchina v Rossii XVIII st.* [Posad Community in 18th-Century Russia]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. 810 p.

Milyukov, P. N. (1905). *Gosudarstvennoe khozyaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo* [The State Economy of Russia in the First Quarter of the 18th Century and the Reform of Peter the Great]. 2nd Ed. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. 678 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 4, 5.

Redin, D. A. (2007). *Administrativnye struktury i byurokratiya Urala v epokhu petrovskikh reform (zapadnye uezdy Sibirskoi gubernii v 1711–1727 gg.)* [Administrative

Structures and Bureaucracy of the Urals in the Era of Peter the Great's Reforms (Western Districts of Siberian Province in 1711–1727)]. Yekaterinburg, Volot. 608 p.

Redin, D. A. (2019). *Etyudi po russkoi istorii Novogo vremeni (administrativnyi i sotsialnyi aspekty)* [Essays on Russian History in the Modern Times (Administrative and Social Aspects)]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 284 p.

Redin, D. A. (Ed.). (2022). *"Mental'noe gosudarstvo" Petra Velikogo i regiony v pervoi chetverti XVIII v.: materialy i issledovaniya po istorii mestnogo upravleniya v Rossii* ["Mental State" of Peter the Great and Regions in the First Quarter of the 18th Century: Materials and Studies on the History of Local Government in Russia]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 668 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 214 (Sibirskii prikaz). List 5. Dos. 2640; Stock 248 (Senat i ego uchrezhdeniya). Book 154; Stock 340 (Kantselyariya konfiskatsii). List 1. Dos. 63.

Serov, D. O. (2007). *Administratsiya Petra I* [Administration of Peter I]. Moscow, OGI. 288 p.

Serov, D. O., Fedorov, A. V. (2019). *Dela i sud'by sledovatelei Petra I* [Cases and Fate of the Investigators of Peter I]. 2nd Ed., add. Moscow, Yurist. 432 p.

Serov, D. O., Vidnichuk, A. O., Zhukovskaya, A. V., Fedyukin, I. I. (Eds.). (2023). *Pisma i bumagi pribyl'shchika Aleksey Kurbatova* [Letters and Papers of Profiteer Alexei Kurbatov]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. 551 p.

The article was submitted on 01.03.2023